

ЛЕГЕНДА О СТАРОМ КУЗНЕЦЕ И КАМНЕ АЛАТЫРЬ

ИЛИАН РЕЙ

Илиан Рей

**Легенда о старом
кузнеце и камне Алатырь**

«Автор»

2026

Рей И.

Легенда о старом кузнеце и камне Алатырь / И. Рей — «Автор»,
2026

На всём свете не было равных ему кузнецов. Но никто из народа даже не подозревал этого. Ведь Гирион днями и ночами ковал себе что-то в кузнице, но так за всю жизнь ничего и не выковал. «Не то!» — говорил он, — «Всё не то!». Всё, что ни сковал старый кузнец, всё шло обратно в огонь. А потому беден он был, ведь не продал он ни единого изделия своего. И ни по чьей прихоти, даже за дары щедрые, не соглашался он ковать никому. Никто не знал, что Гирион так упрямо старается выковать. Народ потешался над ним, глумился. Говорили, что спятил старый кузнец, помешался на чём сам не ведает. А он всё трудился и трудился, не обращая внимания на все слухи о нём. «Получилось!» — возрадовался однажды старый кузнец — «Вот оно!». Он сам не понимал, что именно у него получилось, но он чувствовал, что это то самое, ради чего он жизнь положил в этой треклятой кузнице: Толи камень, толи шар! Толи пламени пожар! Толи сталь, а толи кость! Толи око как хрусталь! Толи это что снеслось! Как только Гирион...

Содержание

Старый кузнец	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Илиан Рей

Легенда о старом кузнеце и камне Алатырь

Старый кузнец

*«Не богини они, и не люди — а силы сами!
Матеря тайны рока ведающие,
Повитухами Чрева они приставлены.
А зовут их Ягинями Вецими!»*
Отрывок из «Легенды о Ягинях»

Примечание

Эта легенда — краеугольный камень моей будущей дебютной книги «Тени Солнца» в цикле «Чёртово Колесо: Сын Человеческий». Это цельная история, которая не нуждается в продолжении, вот только оно есть. Опубликовано 1/4 глав.

«Не богини они, и не люди — а силы самі! Матеря тайны рока ведающие, Повитухами Чрева они приставлены. А зовут их Ягинями Вещими!»

Жил себе да был старый кузнец, на все руки молодёц. Да вот только несчастен он был: не было у него ни жёнушки, ни детей. Одним словом — вдовец он был. И звали его Гирион.

Всю жизнь он прожил на острове-граде Софиус, что Змеиным Островом зовётся. И всю жизнь посвятил он своему ремеслу.

На всём свете не было равных ему кузнецов. Но никто из народа даже не подозревал этого. Ведь Гирион днями и ночами ковал себе что-то в кузнице, но так за всю жизнь ничего и не выковал.

«Не то!» — говорил он, — «Всё не то!».

Всё, что ни сковал старый кузнец, всё шло обратно в огонь. А потому беден он был, ведь не продал он ни единого изделия своего. И ни по чьей прихоти, даже за дары щедрые, не соглашался он ковать ни-ко-му!

Никто не знал, что Гирион так упрямо старается выковать. Народ потешался над ним, глумился. Говорили, что спятил старый кузнец, помешался на чём сам не ведаёт. А он всё трудился и трудился, не обращая внимания на все слухи о нём.

«Получилось!» — возрадовался однажды старик — «Вот оно!».

Он сам не понимал, что именно у него получилось, но он чувствовал, что это то самое, ради чего он жизнь положил в этой треклятой кузнице:

Толи камень, толи шар!
Толи пламени пожар!
Толи сталь, а толи кость!
Толи око как хрусталь!
Толи это что снеслось!

Толи пламени пожар!Толи сталь, а толи кость!Толи око как хрусталь!Толи это что снеслось!

Как только Гирион закончил трудиться. Небеса злато-чистые затянулись могучею да сердитою бескрайнею тучею. Хлынули ливни водопадами, загрохотали громы и молнии.

Возрадовался кузнец смене небесного настроения, — уж сильно пропотел он в кузне, что чуть удар его не хватил. Вышел из кузни да под ливень остудиться. И вот не думал он, что встретит кого — в грозу то такую. А тут, вдруг, глядит как на встречу ему, идут три одинокие женщины. Укутаны в темное, да плащами покрытые.

Изумился старик спокойствию их, да в ливень такой ненастный: а они одинокие, вечером окутанные, шли себе тихонько под вспышки зарницы да гром грохочущий.

Подошли к нему три незнакомки, и та, что возраста преклонного спрашивает:

— Не будет ли у тебя, милоч, места нам, ливень переждать, в кузне иль в избе твоей?

Поразмыслил кузнец и отвечает:

— Аль, даже если б и не было, разве могу я вас одних тут в ливень такой оставить? — а сам про себя думает: «Какой же я тебе милоч, не в одних ли летах мы с тобой?»

— Скорей, скорее за мной, я вас в избу проведу, — торопил их Гирион. А сам продолжает думу думать: «И как же вас угораздило оказаться в столь отдаленной части острова столичного? Тут же ни кабаков, ни таверны по близости, да ещё и в переулке столь безлюдном и неблагоприятном.»

Завёл их кузнец к себе в хижину. Подкинул дров да хворосту в очаг домашний. Зажёг лампу, ту, что на столе почти уж затухла. И давай смотреть высматривать лица гёстий своих. А тех и не видно совсем, только рты из под капюшона выглядывают. Кузнец замер, а гёстии и не шевелятся даже. Засуетился, вдруг, порывлся в вещах и выдал им одеяния сухие да тёплые.

Первой сняла плащ с головы незнакомка, та, что у кузнеца приюта спрашивала:

Женщина-старушка, на плече её, спереди, седая коса улеглась. Косища длинная да тяжёлая, прям до пояса ей. А сама старушка выпрямилась, да из горбатой и скрюченной в статную да горделивую обратилась. Лицо морщинистое, измождённое. Кожа бледная. А взор её мрач-

ный, что смотрит из подлобья – вот только не грозный он, а усталый, измученный. Стоит она в темном балахоне, вроде и ветхий он, в то же время смотрится благородно, и сидит он прям в пору на ней. Вдруг, как зыркнет глазами незрячими, на одну из спутниц своих, — ту, что по левую руку её.

Изумился кузнец тем, что старуха вроде и старая совсем, но и будто ему самому фору даст. Сам Гирион то от ремесла своего свернувшийся в три погибели. А перед ним старушка, — не та что милостыню просит, а та, что милостыню раздаёт, да с лицом горделивым и важным.

Тут и вторая гостья скинула с себя плащ. Под плащом платье нарядное, да из всех цветов радуги. На плечах две косы пшеничные, в пол устремляются. А лик её матушки-женщины, молодостью и здоровьем пышущий. Взгляд серьёзный, но жизнерадостный, и в глазах её – синева глубокая. Губы чуть подмёрзшие да поджатые. Кожа светлая, но не бледная, — а настоль чистая, что свет лампы на ней блики отплясывает. Сама же она влево смотрит, на спутницу свою, что пока ещё в плаще стоит да не шевелится.

Изумился Гирион пуще прежнего. Прекрасна была та женщина. Заворожили очи её голубые да косы русые. А наряд то, наряд. Даже богачи здешние в таком не ходят. А уж в квартале, где жил кузнец только и носи черное, да серое, — слишком уж грязное место это для одеяний таких.

Вдруг и третья гостья опрокинула свой черный капюшон и показалось лицо её юное-светлое, что аж комната светом исполнилась. До того её лик был красив и прекрасен, что словно лучи зияли от улыбочивой девицы. Щеки румяные. Нос-курнос да в крапинку. Губы пухлые и налитые. А очи золотом озаряются. И вот скидывает она плащ, а под ним — платье белое, да не белое, а словно светило ночное. Волосы её — лес густой. Вьются огненно-рыжие пряди, во все стороны вниз каскадами укладываются, да на пол ластятся.

Обомлел старый кузнец, увидев девицу юную. Всё глаз не мог оторвать, — никого и ничего краше не видел он за свою долгую жизнь. Глядя на неё он забыл обо всём на свете:

О том, что болен недугами разными. О том, что любил когда-то он страстно. О том, что погибла любовь его понапрасну. О том, что был беден он и несчастен. О том, что вот только выковал он плод своих фантазий. И о том, что смотрит он и пялится уже слишком долго.

— Ох, не подойдёт моя одежда вам, — встrepенувшись молвил кузнец, — Ох, не подойдёт.

— Это ещё почему же? — сердито спросила старушка.

— Ваши одеяния, они... Они прям ваши — по-другому ведь и не скажешь.

— Нам любое одеяние к лицу, — успокаивающим голосом ответила синеокая.

Кузнец задумался над сказанным второй гостьей. И согласился:

— Истинно так, мои гости — ваш вид ничего не осквернит. Но мне стыдно, что я не могу предложить вам, что-то кроме холщовых балахонов.

Услышав слова кузнеца юная девица захихикала:

— Холщовый – не холщовый! Балахон – не балахон! Хи-хи-хи! — она прикрыла рот рукой, чтобы приглушить своё безудержное игривое настроение, — Разве есть одеяние, что краше самого человека? — она явно задумалась, а вопрос её был направлен точно не в сторону кузнеца.

Очаровался старик юной красавицей. Чудесным голосом в умиление приводящим. Да ребячеством её искренним. И тут же опомнился он, и задумался: «А ведь и правда. Какое бы ни было красивое одеяние, — им не скроешь уродливое нутро человека, и не скроешь истинную красоту его, каким бы ни было истрепанное и ветхое одеяние».

— Вам не обязательно снимать ваши прекрасные наряды, может огня очага будет достаточно, чтобы вы обсохли? — смутился старый кузнец, — К тому же, у меня и места то совсем нет, чтобы вы могли переодеться.

— А нам и не нужно отдельное место, батюшка. Давай ты просто отвернешься. И пока мы будем заняты, то ты расскажешь нам о трёх своих самых сильных желаниях, что душу твою греют, когда о них думаешь? — вмешалась женщина русовласая.

Избушка у Гириона и правда была совсем махонькая, такая, что ему пришлось отвернуться, пока гости сменяют мокрое на сухое. Он также глубоко пробрался в лабиринты собственного разума, чтобы найти там ответ на вопрос синеглазой гостьи.

А сам тихонько подслушивал, о чём шепчутся незнакомки:

— Не понимаю, зачем мы здесь, матушка, Доля? Как мы вообще тут оказались? Разве он может нам как-то помочь? Ему бы самому помощь не помешала.

— Исти! — цыцнула самая старшая, после чего та сразу умолкла.

Желание кузнеца оглянуться было настолько сильным, что он было решил посмотреть на красоту женщин, хоть одним глазком, а потому начал говорить:

— А нет у меня трех желаний.

— Это как это – нет? У всех они есть! — поспорила юная-девица.

— А вот так! — подыгрывал кузнец, — У меня всего одно желание, которое бы мне грело душу!

— Не люблю лжецов! — дерзнула девица.

— Исти! — вновь цыцнула старушка. В ответ та недовольно хмыкнула.

В этот момент Гирион как раз и глянул одним глазком на обнаженных гостей — и в этот же миг вновь отвернулся. Он ни рисковал, а совсем на чуть-чуть позволил себе на старость лет увидеть нечто прекрасное. Не ясно заметили ли это женщины или нет, но виду никто не подал.

— Можешь обернуться, батюшка — мы уже всё, — сообщила матушка-женщина, — И какое же желание греет душу твою?

Женщина, уже стоявшая в холщовом мешковатом одеянии, протянула двумя руками аккуратно свернутые мокрые наряды гостей, попросила спрятать их и положить в укромное место, чтобы они не потерялись, не забылись и не попортились.

Кузнец с уважением принял этот жест и поспешно унес их в кладовую, что была за каменным очагом хижины, и положил на разогретые камни. Прямо оттуда он продолжил разговор с женщиной, прибавив в голосе:

— Моё единственное желание, которое по-истине согревает, — в этот момент рыжеволосая девица сердито буркнула, — В том, чтобы огонь моей кузницы не только воспламенял металл, но и одухотворял его, — чтобы всё, что бы я ни сковал могло быть душою живою!

— Очень любопытно... — про себя сказала синеокая женщина.

— И что же тут любопытного? — возмутилась юная-девица, — Он же просто возомнил из себя неизвестно кого!

— Тише, Исти, тише. Будь почтительнее к хозяину дома, который нас приютил.

Вернувшись из кладовой, Гирион, принёс также тёплые пледы с калёных камней, чтобы гости поскорее согрелись:— Вот. Возьмите. А то должно быть продрогли.

Старик передал им пледы, а затем сел на табурет подле них, у очага, чтобы огонь поворшить.

— Дедушка-кузнец, знаем мы, что этой ночью, ты точно сковал, что-то эдакое, да раста-кое, — так похвастайся же нам! — стала потирать ладошки юная-девица.

Опешил старик:

— А вам откуда это известно? — спросил он настороженно.

— Нам мно... — начала было Исти.

— Да-к все знают уже. Ты батюшка — кузнец. А кузнец куёт и творит. — перебила юную-девицу русовласая, взяв её под локоток, — Да и разве нет у любого кузнеца творений его? А ты, батюшка, — не любой. О тебе даже за пределами града столичного слухи расходятся.

— Коли б вы по слухам ко мне явились, то знали бы, что я старик, рассудок потерявший, да в лабиринтах ума заплутавший, — за всю жизнь ничего так и не создавший.

— А мы другие слухи слышали о тебе, батюшка, — продолжала синеокая.

— И какие это? Другие? — с любопытством, но с недоверием спросил Гирион.

— Я слышала, что ты, батюшка, выковал ни то изделие, ни то творение, а чудо само. Говорят, что чудо сие навлечет беду на род человеческий, коли в руках будет у того, кто не знает как в пользу его обратить. Но также говорят, что чудо сие — есть спасение рода человеческого, в руках того, кто ведает суть свою всемогущую.

— Враки это всё! — отрезал старик, — Это так народ надо мной потешается!

— Народу лишь бы поглумиться! Но их глумление от слепоты их, которая мешает им увидеть себя со стороны. Уж я то знаю! — вмешалась вдруг гостья-старушка, — Ты старый кузнец, который всю жизнь ковал всем людям назло, и вот ты примеряешь теперь их глумление как то, что будто бы является тобой. Разве их глумление меняет твою суть? Или сути того, что ты выковал? — продолжала она наставлять Гириона.

Гирион хотел было что-то сказать, но передумал, потому что сказать на это ему было нечего. Он подумал какое-то время и наконец смолвил:

— А какая она, моя суть? — старый кузнец не надеялся на то, что ему ответят, он лишь хотел поставить этим вопросом женщин в тупик.

Гостьи переглянулись между собой, как бы решая, кто будет говорить. Но по их виду казалось, будто решить это им не удалось.

— А тебе какую именно суть нужно? Коли кем ты был или кем станешь, или же кто ты есть сейчас? — спросила старая женщина.

Гирион почесал голову прежде чем ответить, — этого уточняющего вопроса он никак ожидать не мог:

— А разве суть не одна? Я ведь один, да уж и не помню я, менялась ли моя суть когда-либо.

— Суть меняется каждый день, пока ты не замечаешь этого, — отвечала седая мать, — Сегодня ты дал обещание, — а завтра его нарушил. Сегодня поклялся — а завтра предал клятву. Сегодня веришь в свои силы, а завтра признаешься себе в своей немощи. Сегодня ты не ждал гостей, но принял их в дом. Была бы одна суть, то была бы и одна истина.

— Ой, а для меня так вообще есть только сейчас, — добавила юная-девица, — Сейчас я вот такая, какая есть, а в следующем сейчас этой меня уже не будет! Хи-хи!

Гирион снова задумался, и чтобы хоть как-то разбавить молчание зашевелился:

— А может вам теплого чего налить? Давайте отвар травяной вам заварю?

— Не переживай за нас. Ты сам небось устал, трудился в кузнице весь день, так прими и ты заботу нашу. Ты покажи где травы твои, а я сделаю такой отвар, что детство вспомнишь, — убалтывала кузнеца старушка, — Я ведь травница настоящая, прирожденная, все рецепты в голове держу.

Старый кузнец сперва замешкался, но всё же кивнул, показав где находятся его травы. Затем сел снова на табурет и глубоко погрузился в свои мысли:

— Странно как-то получается. До сего дня, я был уверен, что моя суть не менялась никогда и вряд ли изменится. Я, что вчера, что сегодня, — был творцом и кузнечного дела мастером. Но теперь не знаю во что и верить!

— Кто я? — спросил он себя, — Будто кузнецом был не я, а лишь плод моей фантазии, который даже получил воплощение. И теперь я и не кузнец вовсе. И фантазия моя исчерпана.

В это время старуха что-то терла в ступе да приговаривала. Слова её были не разборчивы, — единственное что можно было понять — это то, что она повторяла одни и те же слова, сложенные ни то в молитву, ни то в клятву, ни меняя в них ни слов, ни последовательности, ни своей характерной окраски голоса. Такая окраска обычно присуща голосам исполнителей

праздничных обрядов, которые своими гортанными звуками дополняют безудержную танцевальную музыку.

Когда колдовское дребезжание струн, нарастающие ритмы перкуссии, и обволакивающая мелодия волыни соединяются в единую какофонию звуков с пьянящим потоком певчих голосов. Так и старуха, под звуки грома постукивала пестиком в ступке, сначала медленно, затем быстрее и быстрее; заводила свою песню дребезжащим и звенящим голосом, которому подпевал вой ураганного ветра.

Такой вот, казалось бы, не гармонирующий поток звучания воссоединился даже с застоявшимся затхлым воздухом хижины старика, превращая его в особый, необыкновенно чарующий дурман.

Продолжение следует... 24.08.2026

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.